

Катарский дипломатический кризис: фарисейство или диатриба?

Научный руководитель – Васецова Елена Сергеевна

Егоров Игорь Сергеевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Кафедра политологии стран Востока, Москва, Россия

E-mail: papandupolo@mail.ru

Катарский дипломатический кризис, начавшийся в июне 2017 года, продолжается до сих пор и вызывает большую полемику в экспертной среде.

Что это было? Почему противоречия в ССАГПЗ приняли форму открытых обвинений, разрыва дипломатических отношений, закрытия границ и прекращения авиационного сообщения? Как два основных союзника США в Персидском заливе - Саудовская Аравия (далее - СА) и Катар - оказались по разные стороны баррикад?

Представляется, что конфликт между газовым и нефтяным гигантами, в котором оказались задействованы многие арабские страны, позволяет лучше понять контуры реальной политики на Ближнем Востоке, выявить её реперные точки и начертить абрис текущего противостояния.

Обвинения против Катара в поддержке и спонсировании исламистских и террористических групп, которые СА озвучила в очередной раз в 2017 году, сложно воспринимать серьезно, так как по форме они напоминают диатрибу, а по содержанию - это фарисейство. Известно, что финансирование ряда исламистских формирований на территории Ближнего Востока и Северной Африки было во многом параллельным саудовско-катарским проектом [1, 3, 5, 6, 9].

На фоне экономических и политических проблем, продолжающихся терактов в Египте, замедления темпов экономического роста в СА (в 2017 году ВВП СА снизилось на 0.7%), падения цен на энергоносители, отразившегося почти на всех арабских странах, внешнеполитические возможности необременённого большой социальной нагрузкой Катара серьезно возросли, а возможности стран региона по противодействию агрессивным шагам газового гиганта упали [4]. Телеканал «Аль-Джазира», «братья-мусульмане», финансирование оппозиции от Атлантического океана и до Аравийского моря - этот постоянно применяемый инструментарий катарской политики все труднее нейтрализовать [9].

Более того, современные саудовско-катарские отношения характеризуются неприязнью и конфликтами, уходящими корнями в XX век. В 1995 году новый эмир Катара Хамад бин Халифа Аль Тани принял решение перестать быть младшим партнером СА и стать её конкурентом. По мере реализации его плана нарастали и противоречия с династией Саудитов [9, 10]. В 2014 году при его сыне Тамиме бин Хамаде Аль Тани уже имел место дипломатический кризис между Катаром с одной стороны и СА, Бахрейном и ОАЭ с другой. Однако тогда конфликт был разрешен достаточно быстро и закончился соглашением, заключенным в Эр-Рияде.

Реальную озабоченность у коалиции арабских стран во главе с Саудовской Аравией, Египтом и ОАЭ к лету 2017 года вызывали и явные успехи режима Башара аль-Асада в Сирии, который благодаря поддержке российских Военно-космических сил, «Хезболлы» и иранского Корпуса стражей исламской революции совершил «коренной перелом» в гражданской войне. Информация об укреплении отношений и возможном сотрудничестве между Катаром и Ираном на фоне крушения ИГ (запрещенная в России террористическая организация) и оппозиции в Сирии была воспринята в СА болезненно [10], так как

Катар, воспроизводя модель американской внешней политики, параллельно с поддержкой противников Башара аль-Асада сумел оказаться на «правильной стороне истории» вместе с усиливающимся Ираном.

Сумма этих факторов и привела к Катарскому дипломатическому кризису, который де-факто не имел и не имеет серьезных экономических или политических последствий. Катару удалось преодолеть временные неудобства экономического бойкота со стороны СА и полностью отвергнуть все 13 требований, которые были выдвинуты СА, ОАЭ, Египтом и Бахрейном благодаря дружественным странам: Турции и Ирану [9].

Кроме противостояния арабских государств, Катарский дипломатический кризис «высветил» детали «колониальной» политики на Ближнем Востоке ключевых мировых игроков. Так, Вашингтон, который продолжает борьбу за полное доминирование в регионе, продемонстрировал свою приверженность экономическим и военным интересам США: Дональд Трамп во время своего ближневосточного турне в 2017 году предельно четко обозначил свою позицию: Катару не стоит заигрывать с Ираном, но крупнейшая американская военная база в Катаре остается [2, 8].

Позиция ЕС и Великобритании, которые исторически противодействуют американской гегемонии, сложившейся во второй половине XX века на Ближнем Востоке [7], заслуживает отдельного исследования, так как именно во время подобных конфликтов можно отследить реальную политику этих стран - в остальное время они вынуждены выпускать традиционные заявления о приверженности НАТО и о дружеских отношениях с США и общей миссии.

Таким образом, в региональном измерении Катарский дипломатический кризис стал вынужденной «диатрибой», вызванной «сдавшими» нервами противников династии Аль Тани, которые устали от активной и агрессивной политики газового гиганта. В глобальном измерении Катарский дипломатический кризис выявил серьезнейшие противоречия внутри НАТО и внутри коалиции «союзников» США. Кроме того, конец 2018 года добавил к Катарскому дипломатическому кризису новое измерение - канал "Аль-Джазира" выпустил сенсационное интервью с бывшим офицером французской Национальной жандармерии Полем Баррилем, в котором собеседник утверждал, что СА вместе с союзниками уже планировали военный переворот в Катаре в 1996 году. Сходная специальная операция против Катара могла произойти и летом 2017 года, однако вмешательство уже бывшего государственного секретаря США Рекса Тиллерсона, имевшего личные контакты с семьей Аль Тани, не дало плану осуществиться. Вопрос о том, сколько правды в этом интервью и сколько пропаганды остается открытым, однако Поль Барилль дает возможность представить обвинительные речи СА не в качестве "нервного срыва", а в качестве нацеленной подготовки для создания политического и морального фундамента для оправдания переворота.

Источники и литература

- 1) Васильев А.М. Рецепты арабской весны. М.: Алгоритм, 2012. с. 46-54.
- 2) Васильев А. М., Зайцев В. Ю., Кириченко А. Е., Куделев В. В., Топычканов П. В. Мир цвета хаки. Вооруженные силы в системе государственной власти. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2011.
- 3) Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Двуликий Янус умеренного исламизма. Постреволюционная борьба в Тунисе и Египте. М., 2013.
- 4) Касаев Э.О. Катар в XXI веке: современные тенденции и прогнозы экономического развития. М.: Междунар. отношения, 2013.

- 5) Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века. М.: Российская газета, 2012. с. 378-392
- 6) Kamrava M. Qatar: Small State, Big Politics. Cornell University Press, Ithaca and London, 2015.
- 7) Smith Simon S. Britain's Revival and Fall in the Gulf: Kuwait, Bahrain, Qatar, and the Trucial States, 1950-1971. RoutledgeCurzon, London, 2004.
- 8) The Economist. What did Donald Trump achieve in the Middle East? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2017/05/25/what-did-donald-trump-achieve-in-the-middle-east> (accessed 18.02.2019).
- 9) The New York Times. How the Saudi-Qatar Rivalry, Now Combusting, Reshaped the Middle East [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/06/13/world/middleeast/how-the-saudi-qatar-rivalry-now-combusting-reshaped-the-middle-east.html> (accessed 18.02.2019)
- 10) The Guardian. Gulf plunged into diplomatic crisis as countries cut ties with Qatar [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jun/05/saudi-arabia-and-bahrain-break-diplomatic-ties-with-qatar-over-terrorism> (accessed 18.02.2019)